

ПРОЕКТ ЭПШП И РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЙ ДИАЛОГ*

© 2019 Е. САФРОНОВА

DOI: 10.31857/S032150750004064-2

Анализируются вопросы потенциального влияния проекта «Экономический пояс Шелкового пути» на состояние и перспективы российско-китайских отношений, характеризуются риски, угрожающие процессам сопряжения Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и ЭПШП. Обосновывается насущная необходимость для России активизировать в рамках ЕАЭС работу по взаимодействию с китайской инициативой. Подчеркивается, что зависание сопряжения ЕАЭС и ЭПШП на уровне намерений бросает вызов самой жизнеспособности этой идеи и создает новые сложности для конкурентных позиций России в Центральной Азии.

Ключевые слова: российско-китайские отношения, проект ЭПШП, ЕАЭС, проблемы координации международных проектов

THE SREB PROJECT AND RUSSIAN-CHINESE DIALOGUE

Elena I. SAFRONOVA, PhD (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (safronova@ifes-ras.ru)

In recent years the expert community often reiterates the idea that Russian-Chinese relations can be characterized as “hot at the top” (at the level of top leaders’ contacts) and “cold at the bottom” (at the level of society and the socio-economic life). It seems that this statement also holds true for the realities of the Silk Road Economic Belt (SREB) project.

The initial, basic challenge for Russian-Chinese relations in the light of the SREB is that the objective rivalry between Russia and China is growing in Central Asia. And now not only the PRC, but also Kazakhstan is turning into a competitor of the RF in the Central Asian economic field. This fact leads to the disorientation of conjugation processes and indirectly, but tangibly affects the climate of Russian-Chinese relations.

Owing to the SREB, the Central Asian countries are being co-opted as implementers of Chinese political, economic, infrastructure and energy initiatives, and through this Russia’s weight as a multi-profile partner of Central Asian states is objectively reducing. Essentially, the SREB becomes a catalyst of the reorientation towards China of traditional RF counterparts. Under these circumstances, it is very important for Russia to activate the EAEU project as a mechanism for protecting the RF’s interests at the Central Asian economic “platform”.

Despite all its urgent utility, the process of the two projects’ conjugation faces considerable difficulties. The very specificity of the coexistence of the SREB and the EAEU is fraught with risks, among which are: the propensity of the PRC for a bilateral, separate cooperation format, which can smooth down the potential of «collegiality» of the EAEU; a lack not of showy, but really sought-after and effective projects that the EAEU can offer China; inconsistency of norms and technical standards of the conjugation, haziness of the SREB administering prospects; the problem of the project facilities’ protection, etc.

Keywords: Russian-Chinese relations, SREB, EAEU, international projects’ coordination problems

В последние годы в экспертном сообществе часто звучала мысль, что в российско-китайских отношениях «горячо сверху» (на уровне контактов высших руководителей) и «холодно внизу» (на уровне общества и социально-экономической сферы). Как представляется, это утверждение сохраняет справедливость и для реалий проекта «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП), несмотря на то, что обеими сторонами предпринимаются шаги по выравниванию «температур».

Соглашение 2015 г. о сопряжении Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и ЭПШП, подписанное Россией от имени всего Евразийского

союза, стало не только взаимным с КНР дружественным жестом, но и актом обоюдной политико-дипломатической поддержки.

САФРОНОВА Елена Ильинична, кандидат экономических наук, вед.н.с. Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН. РФ, Москва, 117997, Нахимовский пр-т, 32 (safronova@ifes-ras.ru)

* Статья подготовлена на основе доклада автора на международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» в ИДВ РАН 24 октября 2018 г.

СИТУАЦИЯ В «ВЕРХАХ»

Подписав соглашение, КНР показала свою готовность откликаться на важные международные инициативы России и, по сути, впервые документально признала значимость российских интересов в Центрально-Азиатском регионе (ЦАР). РФ же, поставив свою подпись, сразу обрела статус не рядового исполнителя чужой кооперационной инициативы, что неприемлемо для нее как великой страны, а равноправного и равнозначного партнера.

В то же время соглашение стало жестом доброй воли России, поскольку она, как инициатор ЕАЭС, предоставила Китаю новое юридически безупречное основание осуществлять экономическую деятельность в ближайшей зоне ее интересов. И более того: через сопряжение с ЕАЭС Китай получает касательство к коллективным интеграционным маневрам на центральноазиатском поле. Это важно для него, поскольку в Пекине болезненно воспринимают невключенность КНР в эти процессы.

Решение о сопряжении выступает показателем и свидетельством высокого уровня стратегического партнерства России и Китая. Грамотная демонстрация новых граней российско-китайского взаимодействия особенно важна именно сейчас перед лицом текущих вызовов, исходящих от политики американской администрации. Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП может стать инструментом формирования новой парадигмы отношений в Евразии, свободных от давления геополитического конкурента - Соединенных Штатов.

На государственном и правительственном, центральном и региональном уровнях в РФ и КНР создано заметное количество структур по вопросам сопряжения, поэтому можно сказать, что проект Экономического пояса уже несет функцию нового важного канала и механизма российско-китайских отношений.

ОБСТАНОВКА В «НИЗАХ»

Итак, в «верхах» ситуация представляется вполне позитивной. В «низах» же - на уровне практического социально-экономического взаимодействия - картина видится несколько иной.

Исходный, базовый вызов для российско-китайских отношений в свете ЭПШП состоит в том, что в Центральной Азии (ЦА) ширится активная конкуренция РФ с Китаем.

Объективная потому, что пока ни Россия сама, ни в составе ЕАЭС не готова «взломать» устоявшиеся порядки международного сегмента рыночной экономики, ибо *политэкономически* взаимодействие Китая и РФ в Центральной Азии являет собой конкуренцию сильных капиталов со слабыми, а сильные капиталы, независимо от человече-

ской воли, обречены на доминирование, а слабые - на посильное сопротивление.

На процессы этой конкуренции можно до определенной степени влиять «сверху» - с уровня надстройки общественно-экономической формации (вспомним К.Маркса), но это потребует больших дополнительных политических, административных и финансово-экономических усилий при том, что результат не может быть гарантирован.

К началу XXI в. приоритетное положение России как универсального партнера стран ЦА было безусловным. Далее - до 2010-х гг. - наблюдалась довольно удачная и логичная парадигма сосуществования РФ и КНР в регионе.

Обе страны пока еще не документально, но по факту признавали там интересы и конкурентные преимущества друг друга. Россия оставалась ведущей силой безопасности, не утеревшей культурной и языковой близости со странами ЦА, а КНР превращалась во все более весомого торгово-экономического «агента».

До недавнего времени Россия являлась приоритетным универсальным партнером стран ЦА и имела транспортную монополию в регионе [1]. Однако сейчас коммерческое и инфраструктурное внедрение КНР в ареал ЦА ограничивает там маневр Москвы. По данным Главного таможенного управления КНР, в 2013 г. через Россию шли 99% транзита из Китая в Европу, а к началу 2017 г. доля РФ упала до 15% [2]. Кроме того, расширение трубопроводной компоненты проекта может сказаться на объеме энергодиалога двух стран из-за роста доступности для КНР энергоресурсов не только России, но и Центральной Азии, и не только ее. Это повысит возможности Китая диктовать ценовую политику [3].

Все это говорит о насущной необходимости для России не забывать о собственных интересах в процессе сопряжения, чтобы проект ЭПШП не привел к кардинальной деформации сложившегося *modus operandi* РФ и Китая на центральноазиатском «поле».

КАЗАХСТАН КАК ФАКТОР РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ И УЧАСТНИК ЭПШП

Стоит отметить симптоматичность того факта, что впервые Си Цзиньпин представил проект ЭПШП в Казахстане во время своего государственного визита в эту страну в сентябре 2013 г. Ныне очевидно, что главным партнером по реализации этого проекта ЦА Пекин уже тогда видел именно Казахстан. И сейчас не только КНР, но и Казахстан превращается в конкурента РФ на центральноазиатском экономическом поле, и это дезориентирует процессы сопряжения опосредованно, заметно сказываясь на климате российско-китайских отношений.

В свое время Республика Казахстан (РК) быстро откликнулась на кооперационный призыв Китая. Так, президент РК Н.Назарбаев, подчеркнув, что ЭПШП - «это великая идея», подхваченная теми государствами, которые стремились выйти из мирового экономического кризиса, ныне прямо заявляет, что принятие Казахстаном собственной программы инфраструктурного развития «Нурлы жол» было стимулировано инициативой Си Цзиньпина [4]. Разработка программы прошла довольно оперативно: уже в ноябре 2014 г. Н.Назарбаев в Послании народу Казахстана назвал государственную программу «Нурлы жол» основным локомотивом экономического роста страны.

К настоящему моменту в рамках программы «Нурлы жол» были реализованы проекты по строительству железной дороги от пограничного с Китаем Алашанькоу в Европу, сухого порта «Хоргос» (транспортно-логистического комплекса/ТЛК, расположенного на территории СЭЗ «Хоргос-Восточные ворота» на казахстано-китайской границе), а также новой железнодорожной ветки, которая соединила юг страны с Европой.

Завершено сооружение автомагистрали «Западный Китай-Западный Казахстан» протяженностью 2700 км. Благодаря «Хоргосу» РК получила от Китая возможность создать терминал в порту Ляньюньган на тихоокеанском побережье, и теперь контейнеры из Юго-Восточной Азии идут по этому пути в Европу за 12-15 дней, что в 2,5-3 раза меньше, чем путь морем. Количество обрабатываемых и транспортируемых контейнеров ежегодно удваивается [4].

Н.Назарбаев подчеркивает тот факт, что страна уже сформировала транспортный выход к Каспийскому морю, от которого инфраструктура РК на юге через Иран соединилась с Персидским заливом, и поэтому «китайские товары могут спокойно через нас идти туда и на кавказский коридор».

В 2017 г. дороги, построенные РК, соединили Турцию, Грузию, Азербайджан, Каспийское море и сам Казахстан. На Каспии построен особый порт Курык, через который грузы по территории Кавказа и Турции могут идти через Босфор в Европу [4]. В порту Курык практически завершено строительство паромного комплекса проектной мощностью около 4 млн т, который позволит увеличить существующие перевалочные мощности почти в 3 раза. А в порту Актау (78 км севернее порта Курык) идет строительство и совершенствование инфраструктуры для обработки насыпных, контейнерных и универсальных грузов [2].

Планируется ввод в эксплуатацию железнодорожной линии «Джезказган-Бейнеу» (988 км), что позволит сократить на 1200 км путь транзитных перевозок от станций Достык и Алтынколь на казахстано-китайской границе в каспийские порты Актау и Курык [5].

Активизация транзитных перевозок дает РК средства для дальнейшего развития инфраструктуры и создания новых производственных мощностей. Страна уже реально зарабатывает на идее сопряжения госпрограммы «Нурлы жол» с ЭПШП. Казахстан заключил контракты с зарубежными подрядчиками на строительство на его территории десятков новых предприятий.

Привлекательность РК для Китая обуславливается не только готовностью Казахстана практически участвовать в реализации ЭПШП, но и тем, что РК не требует массированного финансирования проекта «Нурлы жол» именно китайской стороной. В связи с проблемами в китайском финансовом секторе, тоже подверженному влиянию мирового экономического кризиса, инвестирование Китаем в инициативу «Нурлы жол» и так осуществляется гораздо медленнее, чем ожидалось [6]. Основную нагрузку здесь несут международные финансовые институты, индикативный объем софинансирования за счет которых составит порядка \$8,97 млрд.

На осуществление «Нурлы жол» направляются средства, выделяемые из Национального фонда РК (основан в 2000 г. для эффективного управления «сверхплановыми» доходами от природных ресурсов), и очень редко - непосредственно из республиканского бюджета. В 2015 г. на цели проекта из НФ РК было направлено 796 млрд тенге (\$3,6 млрд), в 2016 г. - 379 млрд тенге (\$1,1 млрд), в 2017 г. - до \$3 млрд в эквиваленте. Финансирование за счет собственных средств национальных компаний и институтов развития составит 241,4 млрд тенге (\$6,5 млн) [7].

Таким образом, Казахстан уже заложил мощные предпосылки для переориентации транспортных потоков из Китая в Европу с российского направления на транскаспийский маршрут, а главное - создает для этого действенную инфраструктуру в виде транспортно-логистических служб на казахстано-китайской границе, мощность которых к 2020 г. при сохранении текущих тенденций превзойдет российские мощности.

Например, в транспортно-логистическом комплексе сухой порт «Хоргос» к 2020 г. планируется обрабатывать более 500 тыс. TEU* в год, в то время как российский ТЛК «Южноуральский» (Челябинская обл.), который рассматривается в РФ как важнейший узел сопряжения ЕАЭС и

* *Twenty-foot Equivalent Unit (TEU)*, 20-футовый эквивалент (ДФЭ) - условная единица измерения количественной стороны транспортных потоков и пропускной способности контейнерных терминалов или вместимости грузовых транспортных средств. Эквивалентна размерам контейнера Международной организации стандартизации (ISO) длиной 20 футов (6,1 м) (*TEU* (ДФЭ) и *FEU* (СФЭ) (прим. авт.).

ЭПШП, имеет мощность почти в два раза меньше - 255,5 тыс. TEU в год [2].

Понятно, что создание альтернативных маршрутов ослабляет транспортную ценность России, а также повышает риски незаконного ввоза в ЕАЭС контрабанды (например, через тот же Казахстан), а главное - может сузить возможности развития Сибири и ДВФО.

«ЕАЭС - ЭПШП»: ПЕРСПЕКТИВНАЯ СВЯЗКА ИЛИ ЗАМАНЧИВАЯ ИЛЛЮЗИЯ?

Автор разделяет мнение о том, что для Китая в свете инициативы ЭПШП проблема состоит не столько в финансировании соответствующих начинаний, сколько в нехватке реальных, эффективных проектов, которые предлагались бы контрагентами по сопряжению и которые не жалко было бы финансировать.

Похоже, что России следует интенсифицировать работу по выявлению реально востребованных и эффективных проектов, дабы не просто утратить отставание от РК в деле сопряжения с ЭПШП, но и не остаться на обочине «шелковых» интеграционных процессов как таковых. (Справедливости ради отметим, что под задачу сопряжения Евразийская экономическая комиссия ЕАЭС (ЕЭК) сформировала список из более 40 инфраструктурных проектов, составленный на базе предложений стран-членов Союза [18, с. 41]).

Зависание процесса сопряжения ЕАЭС и ЭПШП на уровне намерений и учтивых жестов, отрыв планов от практической почвы бросает вызов самой жизнеспособности этой идеи.

Пока же благодаря ЭПШП идет кооптация стран ЦА в исполнители китайских политико-экономических, инфраструктурных и энергетических инициатив, и через это объективно снижается вес России как многопрофильного партнера центральноазиатских государств. По сути, ЭПШП становится катализатором переориентации на Китай традиционных контрагентов РФ. Сдвигается региональная расстановка сил.

В этих условиях Россия и инициировала проект ЕАЭС как механизм защиты ее интересов на постсоветской экономической «площадке», в частности, путем введения рестриктивных мер таможенного регулирования [1, с. 116]. Можно сказать, что ЕАЭС, будучи коллективной структурой, но являясь российским детищем, выполняет функцию фактора и вектора российско-китайских отношений.

Сама специфика сосуществования ЭПШП и ЕАЭС чревата определенными рисками. Так, на настоящий момент четко прослеживаются преде-

лы кооперации двух проектов, обусловленные настроением Китая осуществлять торгово-экономические контакты со странами ЕАЭС (а также ШОС) в двустороннем формате.

Соглашение о сопряжении было подписано со стороны ЕАЭС только президентом России. Другие страны-члены Союза подписали подобные документы на двусторонней основе. Как уже указывалось, Казахстан активно координирует с Экономическим поясом национальный инфраструктурный план «Нурлы жол». Аналогичные соглашения были достигнуты с Киргизией, Таджикистаном и Беларусью. В случае несогласованности действий стран-членов ЕАЭС процесс сопряжения вполне может свестись к набору двусторонних начинаний между КНР, странами ЦАР и другими членами ЕАЭС [8].

Хотя участники Астанинского клуба* поддержали мысль о том, что сопряжение с Экономическим поясом должно осуществляться коллективно, на уровне всего Союза, однако китайская сторона настаивает, что это взаимодействие следует вести во всех форматах. Заседание Клуба состоялось вскоре после подписания соглашения «ЕАЭС-КНР», а именно - осенью 2015 г. Заседания проводятся ежегодно.

В целом же, согласованность усилий государств-членов ЕАЭС по участию в ЭПШП остается желаемой, но далекой целью. К тому же Китай настроен на снижение торговых ограничений и пошлин для партнеров по ЭПШП, в то время как ЕАЭС выстраивает режим торгового союза с элементами тарифного протекционизма относительно продукции третьих стран и, по данным *International Crisis Group*, даже инициировал антидемпинговую проверку импорта из КНР [9, р. 22].

Важно и то, что доступность китайской продукции до сих пор очень ценится в ЦАР, и это нельзя игнорировать. Тем не менее, как свидетельствуют киргизские коммерсанты, из-за вступления в ЕАЭС и повышения таможенных пошлин китайский импорт подорожал в 3-4 раза [10].

Еще один серьезный вызов просматривается в том, что в интересах сопряжения крайнюю важность имеет согласованность норм и стандартов ЕАЭС с технико-экономическими условиями проекта ЭПШП. А координация стандартов, механизмов и сфер их применения - это особая задача, которая сама по себе чревата большими сложностями.

Внутри самого ЕАЭС работа по стандартизации далека от завершения, и его государства-члены до сих пор практикуют индивидуальные меры и направления торгового регулирования. Однако унификация или хотя бы гармонизация стандар-

* Астанинский клуб (*Astana Club*) - новая диалоговая платформа по проблемам и возможностям Евразии. Участники - политики, влиятельные эксперты и дипломаты из различных стран. Организаторы - Фонд первого президента Республики Казахстан и Институт мировой экономики и политики РК.

тов с ЕАЭС рано или поздно станет для Китая насущной необходимостью, раз уж маршруты ЭПШП будут пролегать по территории Евразийского экономического союза, в конечном итоге нацеливаясь на внедрение в ареал ЕС.

Если в ЦА сохранится тенденция к двустороннему уровню сопряжения и обособлению стратегии Китая от линии России, то возникнет риск выполнения Союзом сервисной функции относительно китайского мегапроекта. И при необходимости выбора центральноазиатские члены ЕАЭС наверняка отдадут предпочтение финансово-экономическому «монстру» ЭПШП, нежели ЕАЭС, активность и экономический потенциал которого пока отстают от набирающей обороты китайской инициативы [см.: 11, с. 165].

...И ДРУГИЕ СЛОЖНОСТИ

Еще одна проблема состоит в том, что на исполнительском уровне в российских регионах, похоже, нет видения выгоды сопряжения. Регионы более заинтересованы в получении срочных, сиюминутных выгод и не готовы ждать окупаемости затрат. И их можно понять, ибо ситуация там такова, что средства нужны сейчас.

Реальному, а не декларативному успеху сопряжения может воспрепятствовать и такая российская особенность, как поспешная готовность к практически любому международному сотрудничеству, лишь бы оно стало новой иллюстрацией геополитического веса РФ «в пику» Западу.

Например, практика ведения газопроводных проектов с КНР показала, что эти проекты, расцениваемые как доказательство «всеобъемлющего российско-китайского партнерства и стратегического взаимодействия», далеко не всегда проходили должную оценку экономической эффективности, а заключались из соображений внешнеполитической целесообразности [12]. Данное обстоятельство чревато снижением технико-экономического качества совместных начинаний и, тем самым, может сказаться на продуктивности сопряжения.

Проект ЭПШП и сам не свободен от шатких «подводных камней». Так, в случае замедления темпов роста КНР может возникнуть проблема его финансирования. Тогда заострится вопрос о мобилизации ресурсов стран-партнеров. Но для большинства из них именно китайские инвестиции являются главным стимулом участия в ЭПШП.

А действенных механизмов совместного финансирования до сих пор нет. Их создание проблематично, поскольку многие участники проекта находятся на разных уровнях социально-экономического развития и обладают разными управленческими и юридическими навыками. Фонд же Шелкового пути (ФШП) и Азиатский Банк ин-

фраструктурных инвестиций (АБИИ), созданные Китаем, - все еще слишком молодые структуры, да и их собственные концепции тоже исходят из принципа привлечения партнерских средств.

И до сих пор неясно, как и кем будет управляться проект, даже на его пограничных участках [подробнее см.: 13, с. 165]. А без эффективной управляемости и бесперебойного финансирования проект рискует захлебнуться в потоке многочисленных двусторонних согласований и нестыковок.

В реалиях Центральной Азии (может быть, за исключением Казахстана) существует риск и того, что проект ЭПШП выступит механизмом резкого ограничения контроля стран ЦАР над их ключевой инфраструктурой (поскольку она сооружается или модернизируется Китаем). Это не добавляет имиджу проекта, создавая еще одну трудность. В результате, еще больше обостряется проблема активизации коллективной структуры - ЕАЭС - в процессах сопряжения, ибо Союз мог бы выполнять функцию балансира интересов своих стран-членов и Китая, отслеживая диспропорции в достижении выгод и выявляя риски для экономических суверенитетов.

В силу нарастания угроз безопасности особо значимой становится и проблема защиты объектов ЭПШП, которая на коллективном уровне пока не привлекала внимания стран-партнеров. А ведь ключевая цель ЭПШП - это повышение «связуемости» территорий, которая увеличивает риск перемещения не только гражданских лиц и грузов, но и грузов и людей для нелегальной деятельности. Такова диалектика явления.

С ростом массива китайской собственности по маршруту ЭПШП Китай, видимо, захочет взять на себя часть функций по его безопасности. Тогда РФ и КНР надо будет обновить парадигму сотрудничества, поскольку КНР вторгнется в сферу, где Россия до сих пор, безусловно, лидировала [14].

Одним из направлений строительства ЭПШП названо создание зон свободной торговли (ЗСТ). Знаковым шагом на этом пути некоторые эксперты считают заключение в мае 2018 г. Китаем и ЕАЭС Соглашения о торгово-экономическом взаимодействии.

Документ был подписан председателем Коллегии ЕЭК Т.Саркисяном и торговым представителем КНР Фу Цзыном, а также представителями стран-членов ЕАЭС в ранге вице-премьеров. Хотя Фу Цзын, будучи замминистра коммерции КНР, и подписал Соглашение в статусе министра *ad-hoc*, однако уровень китайской подписи свидетельствует о «поддерживающем» характере этого соглашения в глазах Пекина. Это и понятно: оно не предполагает создания ЗСТ как таковой, не носит преференциального характера, не предусматривает сокращения тарифов.

Соглашение призвано улучшить условия доступа товаров на рынок третьей стороны - Китая - путем упрощения торговых процедур, повышения их транспарентности, но без смягчения ограничений во взаимной торговле [15], т.е. его цель - обеспечение эффективности процедурной стороны дела.

Пекин же, судя по всему, надеялся на большее. Он еще в 2004 г. выдвинул предложение о создании ЗСТ с центральноазиатскими странами и РФ (в рамках ШОС), которое не получило развития из-за опасений государств региона за судьбу местного производителя, могущего не выдержать конкуренцию с китайским контрагентом. По-видимому, несовпадение желаемого и реально достижимого - тоже одна из трудностей сопряжения.

Нельзя не отметить и то, что Китай - ныне второй по значению (после США) торговый партнер ЕС, а Евросоюз - первый коммерческий контрагент КНР. Новые транспортные маршруты призваны оптимизировать взаимную торговую и дружную коммуникационную активность, а в итоге - послужить качественному росту взаимозависимости КНР и ЕС. Очевидно, что это для Китая - желанная геополитическая и геоэкономическая задача.

Европейцы же отмечают такую позитивную для них сторону ЭПШП, как снижение международных политических рисков ввиду «уменьшения геостратегической ценности» России и Ирана - мощных наземных транзитеров, а также и Малаккского пролива, через который проходит почти половина мирового морского грузопотока [16].

В Европе развивается идейная тенденция, согласно которой ЕС рекомендовано активно «вкладываться» в ЭПШП. Это мотивируется следующими обстоятельствами:

а) Евросоюз обладает особым преимуществом перед КНР и РФ, ибо, будучи «мишенью» китайских амбиций, он все же играет на своей территории, обладая при этом превосходящими знаниями и опытом в деле региональной интеграции;

б) через ЭПШП Европа может укрепить свои позиции в Центрально-Азиатском регионе, углубляя отношения с такими ключевыми его государствами, как Казахстан. Странам же Центральной Азии нужен рынок ЕС, а также «защита от контроля со стороны России и Китая».

ЕС заинтересован в том, чтобы ни одна страна в одностороннем порядке не контролировала все трансевразийские энергетические маршруты, и для этого ему следует встраиваться в проекты КНР с целью подтачивания китайского «квазимонополистического контроля над регионом» изнутри. Поэтому-де государства-члены и институты ЕС должны активно инвестировать в ЭПШП, чтобы в итоге подвести проект под европейские стандарты;

с) в Европе усматривают целесообразность создания трехстороннего механизма сотрудничест-

ва «ЕС - ЕАЭС - ЭПШП» с тем, чтобы, вступив в конкурентную игру, постепенно вовлечь Евразию в орбиту влияния именно Евросоюза [17].

При таких обстоятельствах, если ЕАЭС не захочет оставаться на обочине китайско-европейского политико-экономического взаимосближения, логично ожидать, что для начала он будет вынужден пойти на эффективное согласование проблемы стандартов не только с Китаем, но и ЕС (особо остро здесь стоит проблема стандартизации железнодорожной колеи). Иначе смысл сопряжения ЕАЭС с ЭПШП для Китая может поBLEKNUTЬ или же ограничиться соображениями сугубо внутрорегиональной выгоды.

Российско-европейские отношения сейчас находятся не на лучшей стадии их развития (и это - еще один вызов), но, как знать, может, ЭПШП сможет сыграть умиротворяющую роль между международными оппонентами?

ЧТО ДАЛЬШЕ?

В заключение хотелось бы отметить, что проект ЭПШП в принципе представляет собой продукт и пример удачного сочетания интересов правящей элиты международного актора (в данном случае - Китая) и интересов его широких народных масс.

В случае успеха ЭПШП власть в КНР не только решит вопросы своей жизнеспособности и долговечности (ибо она обеспечит себе новую поддержку в стране), но и многие социальные и экономические проблемы рядовых граждан. Так, во избежание внутреннего социального взрыва, Китай нуждается в бесперебойном обеспечении своей экономики сырьем, производимой им продукции - рынками сбыта, а растущего и многочисленного трудоспособного населения - работой. Поскольку в самом Китае во всем этом наблюдается нехватка, единственная возможность покрыть дефициты - восполнить их за счет рынков других государств. И ЭПШП (как субпроект генеральной инициативы «Один пояс, один путь») призван стать механизмом достижения этой цели.

ЭПШП рассматривается Пекином и как ключевое средство социально-экономического подъема сепаратистски рискованного Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. Умиротворяя внутреннюю обстановку, властная элита Китая снижает конфликтный и протестный потенциал внутри страны и тем обеспечивает упрочение своих позиций.

На международной же арене задача КНР - обретение мирового стратегического лидерства и возможности выстраивать новый мировой порядок по своему усмотрению.

В связи с этим, генеральной внешнеполитической целью инициативы «Один пояс, один путь» и ее субпроекта ЭПШП предстает создание матери-

альной базы для формирования прокитайской ориентации международного курса стран, вовлеченных в «шелковую» инициативу.

Пекин уже достиг успеха, выражающегося в том, что центральноазиатские страны никоим образом не проявляют поддержку антикитайской линии Вашингтона и вольно или невольно переносят центр тяжести своего внешнеэкономического партнерства с российского вектора на Восток.

В силу этого, коллективное сопряжение ЕАЭС с ЭПШП имеет особую важность для РФ, ибо в случае «индивидуального» успеха китайского проекта интерес центральноазиатских стран к двустороннему сотрудничеству с КНР еще более возрастет, и проект может стать скрытым механизмом размывания позиций в ЦАР не только Запада, но и России.

* * *

Как известно, высокая эффективность решения элитой собственных проблем не всегда тождественна степени эффективности решения проблем рядового населения. В отличие от многих других стран, Китаю, похоже, удалось найти удачный образ действий, благодаря которому появилась вероятность «одним выстрелом» решить два жизненно важных для него вопроса.

В «двойном назначении» ЭПШП мы и усматриваем залог долгосрочности и востребованности этой инициативы и для самого Китая, и для стран, способных рентабельно «влестись» в ткань проекта.

Инициатива ЭПШП, как и любое явление бытия, существует согласно диалектическому принципу единства и борьбы противоположностей. Это гегелевский принцип универсален, а его предтечей и истоком является диада «инь - ян», подаренная мировой философской мысли китайскими мудрецами древности*.

Говоря о сложностях проекта и сопряжения с ним, мы не подвергаем сомнению заложенную в нем идею созидательности, экономической целесообразности и гуманистической ценности. Мы просто хотели бы, чтобы через преодоление сложностей и рисков он вышел на новый и плодотворный виток диалектической спирали, возможно, в форме Большого евразийского партнерства (БЕП).

Концепция БЕП была предложена мировому сообществу президентом РФ В.Путиным на Петербургском международном экономическом форуме в июне 2016 г. (а впервые она была выдвину-

та президентом ранее - в Послании Федеральному собранию 2015 г.).

И буквально несколько дней спустя - во время визита В.В.Путина в КНР - РФ и Китай заявили, что они сообща выступают за создание евразийского всеобъемлющего партнерства, в т.ч. с возможным подключением государств-членов ЕАЭС, ШОС и АСЕАН. (То есть отправной принцип создания «Большой Евразии» - это формирование БЕП на базе состыковки ЭПШП с ЕАЭС и учреждения полномасштабной ЗСТ «ЕАЭС-АСЕАН»). Главы государств поручили правительствам своих стран проработать меры по реализации названной инициативы [19].

Во исполнение поручения сторонами уже предприняты практические шаги. В июне 2018 г. в Пекине в рамках переговоров В.Путина и Си Цзиньпина было подписано Совместное заявление МЭР РФ и Министерства коммерции КНР о завершении совместного технико-экономического обоснования (ТЭО) Соглашения о евразийском экономическом партнерстве, разработка которого была инициирована в 2017 г.

Вообще-то, данное ТЭО при всей его конкретности - лишь точка отсчета для заключения будущего торгового соглашения, в свою очередь призванного стать исходным этапом для переговоров по заключению «Большого» Соглашения по БЕП.

При всем широком «замахе» планов партнерства, Соглашение будет сконцентрировано на частных/отраслевых вопросах: защита и либерализация инвестиций и торговли услугами, энергосбережение и энергоэффективность, технико-экономическое сотрудничество, малый и средний бизнес, интеллектуальная собственность, конкуренция, миграция и т.п. (Далее же интересы формирования БЕП потребуют целого ряда необходимых внутригосударственных процедур) [20].

Это логично: восхождение от малого к большому, от частного к общему - нормальный путь рукотворного внедрения «новелл» в мировую действительность. Без применения подобной тактики вопрос реализации такого грандиозного начинания, как БЕП, рисковал бы показаться абсолютно утопическим.

В общем, какими бы сложностями ни отличался процесс сопряжения ЕАЭС и ЭПШП и еще большими - создание БЕП, есть основание утверждать, что сопряжение двух проектов и как автономная инициатива, и как фундамент для возведения «зда-

* Диада - двучленная система, одна из категорий древнекитайской философии. Она отличается от монады (одночленной системы, с главной характеристикой - целостностью) тем, что в диаде всегда есть полярности, порождающие конфликт, есть оппозиция, разделение, противоречие, напряжение.

Символ «Инь-Ян», с одной стороны символизирует монаду, одночленную систему, целостность, и в то же время в нём есть двучленная система. Монада «Инь-Ян» - нераздельна. Из неё рождается диада - две противоположности, которые невозможно слить в одно, но и разъединить их тоже невозможно, это две силы - Инь и Ян.

Диады всегда дополняют друг друга, одна питает другую, диады (два члена в системе) имеют разную устойчивость при различных условиях, каждая отличается особой, только ей присущей характеристикой. Но главное, их невозможно ни слить в одно целое, ни разъединить (*прим. ред.*).

ния» Большого евразийского партнерства стало значимым вектором российско-китайского взаимодействия, важным и для «третьих» международных акторов. Последние события говорят в пользу

не декларативной, а реальной заинтересованности сторон в сопряжении, которое ждет конкретного наполнения и успехов, ощутимых не только на уровне «верхов», но и широких «низов».

Список литературы / References

1. Сафронова Е.И. О российско-китайских отношениях в свете инициативы ЭППП // Тезисы докладов XXIII Междун. научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». М., 24-25 октября 2018 г. М., ИДВ РАН, 2018. (Safronova E.I. 2018. On Russian-Chinese Relations in the light of the SREB initiative // Theses of the 23rd International Academic Conference «China, Chinese Civilization and the World: History, Modernity, and Future Prospects». M.) (In Russ.)
2. Кржижановская Я.М. Вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации в условиях сопряжения строительства Евразийского экономического союза и «Экономического пояса Шелкового пути». (Krzhizhanovskaya Y.M. Challenges and threats to the national security of the Russian Federation under conjunction of the Eurasian Economic Union construction with the SREB) (In Russ.) - <http://eduherald.ru/ru/article/view?id=16882> (accessed 23.10.2018)
3. Строганов А.О. Новый шелковый путь: вызов российской логистике. (Stroganov A.O. New Silk Road: challenge to Russian logistics) (In Russ.) - <http://rusrand.ru/analytics/novyy-shelkovyy-put-vyzov-rossiyskoy-logistike> (accessed 10.10.2018)
4. Назарбаев назвал великой инициативу создания Экономического пояса Шелкового пути. (Nazarbayev called great the initiative of the Silk Road Economic Belt creation) (In Russ.) - <https://dknews.kz/silk-road/64730-nazarbaev-nazval-velikoj-initsiativu-sozdaniya-ekonomicheskogo-poyasa-shelkovogo-puti.html> (accessed 15.10.2018)
5. Проект госпрограммы развития и интеграции инфраструктуры транспортной системы Республики Казахстан до 2020 года. (The Draft of the State program for the development and integration of the infrastructure of the transport system of the Republic of Kazakhstan until 2020) (In Russ.) - <https://pandia.ru/text/79/506/12414-10.php> (accessed 16.10.2018)
6. Проект «Экономический пояс Шелкового пути». Перспективы для СНГ (информационно-аналитическая записка) / СНГ. Исполнительный комитет. (The Silk Road Economic Belt Project. Prospects for the CIS / CIS. Executive committee) (In Russ.) - www.e-cis.info/foto/pages/25810.docx (accessed 10.10.2018)
7. Государственная Программа инфраструктурного развития «Нурлы жол» на 2015-2019 годы. (The State Program of the infrastructure development «Nurly Zhol» for 2015-2019 (In Russ.) - <http://www.mfa.kz/ru/tashkent/content-view/nurly-zol> (accessed 30.11.2018)
8. Сопряжение ЕАЭС и ЭППП: вызовы и перспективы. (Conjunction of the EAEU and the SREB: Challenges and Prospects) (In Russ.) - <https://ria.ru/economy/20151111/1318910422.html> (accessed 10.10.2018)
9. Central Asia's Silk Road Rivalries. Europe and Central Asia Report № 245 // International Crisis Group. Brussels, 2017 - <http://www.refworld.org/pdfid/5979e3c14.pdf> (accessed 11.10.2018)
10. Кенжеева А. Год членства Киргизии в ЕАЭС: как перестраивается рынок. (Kenzheeva A. Year of Kyrgyzstan's membership in the EAEU: how the market is rebuilt) (In Russ.) - <http://www.dw.com/ru/год-членства-киргизии-в-еаэс-как-перестраивается-рынок/a-19496841> (accessed 10.10.2018)
11. Сафронова Е.И. Страны-участницы ШОС в ЕЭС: специфика «перекрестного» членства // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XXII. М., ИДВ РАН, 2017. (Safronova E.I. 2017. SCO member states in the EEU: the specificity of the «cross» membership // China in world and regional politics. History and modernity. Issue XXII. M.) (In Russ.)
12. Кравченко Л.И. Шелковый путь в контексте российских национальных интересов. (Kravchenko L.I. The Silk Road in the context of Russian national interests) (In Russ.) - <http://rusrand.ru/actuals/shelkovyy-put-v-kontekste-rossiyskih-nacionalnyh-interesov> (accessed 09.10.2018)
13. Сафронова Е.И. XIX съезд КПК, проект ОПОП и отношения Китая с развивающимся миром // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XXIII. М., ИДВ РАН, 2018. (Safronova E.I. 2018. XIX Congress of the CPC, the BRI project and China's relations with the developing world // China in world and regional politics. History and modernity. Issue XXIII. M.) (In Russ.)
14. Как изменятся роли Китая и России при реализации проектов Шелкового пути. (How will the roles of China and Russia change in the implementation of the Silk Road project) (In Russ.) - <http://np-srv.ru/news/4179.html> (accessed 08.10.2018)
15. Сайт Международного радио Китая. (China Radio International website) (In Russ.) - <http://russian.cri.cn/economy/weekly/356/20180528/133857.html> (accessed 15.11.2018)
16. Ferrari César. La nueva ruta de la seda - <https://www.elspectador.com/opinion/la-nueva-ruta-de-la-seda-columna-711785> (accessed 30.11.2018)
17. Absorción y conquista: la estrategia de la UE hacia Rusia y China en Eurasia - https://www.ecfr.eu/madrid/publi/absorcion_y_conquista_la_estrategia_de_la_ue_hacia_rusia_y_china_en_eurasia (accessed 29.11.2018)
18. Евразийская интеграция: современные вызовы и новые горизонты. Ежегодный доклад за 2016 год. Совет Федерации ФС РФ. М., 2017. (2017. Eurasian integration: modern challenges and new horizons. Annual report for 2016. M.) (In Russ.)
19. Совместное заявление РФ и КНР. 25 июня 2016 года. (Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China. June, 25, 2016) (In Russ.) - <http://www.kremlin.ru/supplement/5100> (accessed 25.06.2016)
20. Россия и Китай завершили совместное технико-экономическое обоснование Соглашения о Евразийском экономическом партнерстве. МЭР РФ. (Russia and China completed the Joint feasibility study of the Agreement on the Eurasian Economic Partnership / Ministry of Development of the Russian Federation) (In Russ.) - <http://economy.gov.ru/mines/about/structure/deptorg/201808062> (accessed 19.11.2018)